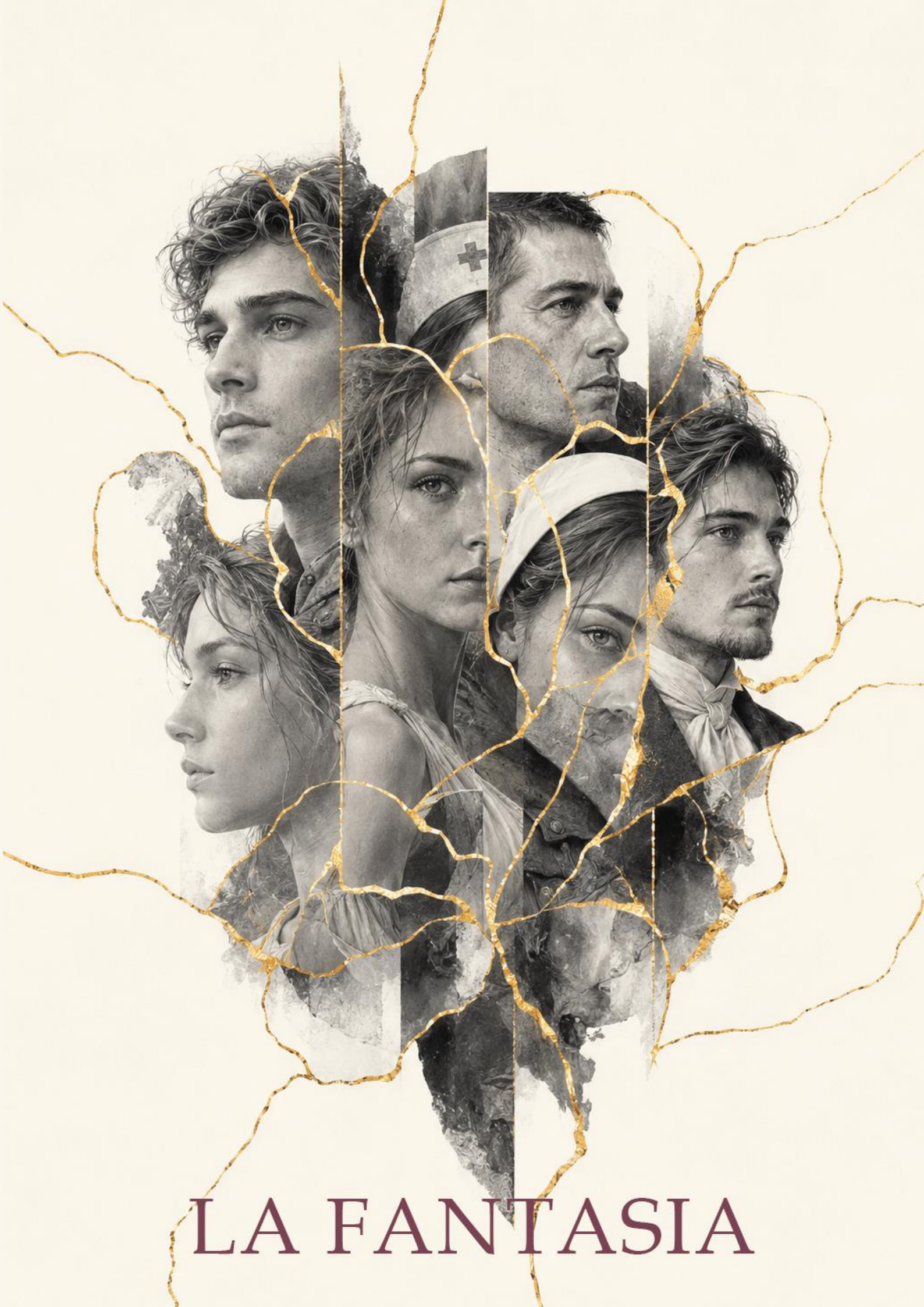

LA FANTASIA

Соцсети:

<https://www.youtube.com/@ElianVeyr>

https://se.pinterest.com/Elian_Veyr

Медиа:

<https://www.youtube.com/watch?v=jFsGH38zI-0>

В главных ролях: Alianor Veyr (вымышленный цифровой персонаж)

Nick Vogt

Контакты: sumrakarvin@gmail.com

© 2026 Veyr Corp®

Распространяется бесплатно.

Не для продажи или коммерческого использования

В темноте зал казался непривычно глубоким. Даже ближайšie ряды уже растворялись за плечами людей, а сцена впереди оставалась пустым чёрным кругом: никакого занавеса, оркестровой ямы, служебного света. Он держал на коленях букет алых пионов. На Земле таких не выращивали. У сердцевины лепестки были почти чёрными, дальше цвет переходил в густой красный; стебли, толстые и жёсткие, царапали кожу между большим и указательным пальцами.

Он купил цветы у входа, хотя сам не мог объяснить зачем. Букет был обёрнут прозрачной сеткой и перевязан лентой, но нести его было неудобно: цветы оказались тяжёлыми, листья цеплялись за рукав, на ладони выступила тонкая зелёная влага. Теперь раздражение почему-то успокаивало. Оно было настоящим и простым. Над сценой погас экран, затем один за другим погасли последние огни в зале.

Музыка началась в полной темноте. Первый низкий звук скорее почувствовался в креслах, чем был услышан. Когда по краю подиума поднялся молочный свет, певица уже стояла там спиной к публике. Он не увидел ни выхода, ни подъёмника. Белое платье расширялось книзу тяжёлыми лепестковыми слоями; золотистые блики скользили по ткани и исчезали в складках. Она подняла голову, и голос, до того далёкий, приблизился настолько, что вибрация отдалась у него в рёбрах.

Камеры поднялись над зрителями, показывая зал сверху. На экранах возник её профиль. Он перестал слышать дыхание людей вокруг. Его

внимание удерживали не черты её лица, а маленькая привычка: перед высокой нотой она опустила взгляд к полу, задержалась на полсекунды и только потом вдохнула. Именно этот жест отозвался узнаваемостью, которой неоткуда было взяться.

Он не пытался объяснить себе ощущение. Просто крепче сжал стебли.

По нижнему краю платья прошёл свет. Один световой лепесток отделился от юбки, поплыл над сценой и медленно ушёл за её границу. Там он начал меняться. Сияние поблекло, поверхность перестала быть ровной, проступили влажные жилки. Лепесток опустился в плетёную корзину - уже настоящий, тяжёлый, с неровным краем.

Он почувствовал запах прежде, чем успел удивиться: тёплые цветы, нагретая медь, пионы и соль.

На рассвете мрамор мастерской менял цвет каждые несколько минут. Сначала в нём была синева моря, потом песочное золото, ближе к полудню он становился почти белым. Элара знала это лучше, чем кто-либо: по оттенку пола можно было понять, пора ли переставлять корзины в тень и сколько осталось до часа, когда солнце начнёт нагревать медные чаши само.

Лепесток на дне корзины не вписывался ни в один привычный расчёт.

Ночью корзина была пустой. Элара сама проверяла её перед тем, как закрыть мастерскую. Теперь среди сухих следов пылицы лежал свежий лепесток, влажный у основания. Она подняла его двумя пальцами и провела большим по краю. Ткань цветка была плотнее местных пионов. Запах тоже отличался: меньше сладости, больше горечи и металлической ноты, знакомой по перегретому маслу.

Элара положила находку в отдельную миску и вернулась к столу. Загадка могла подождать; перегонный сосуд - нет.

Мастерская была открыта с трёх сторон. За тонкими вуалями шумело море, ветер надувал ткань и отпускал её обратно между колоннами. На длинных столах стояли зелёные стеклянные фиалы, льняные фильтры, чаши для воды, ножи, мотки бечевы, куски красной смолы. В медной установке дрожала вода. По трубке медленно собиралась первая капля масла.

Снаружи с раннего утра шла армия.

Элара видела её частями: копья над парапетом, колёса повозок, плечи пехотинцев, головы мулов. Пыль поднималась до листьев плюща. Люди входили в храм только по делу и почти не задерживались. Пустые фиалы оставляли слева, полные забирали справа. Один обоз потребовал восемь сосудов, перевязочная повозка - двенадцать. К полудню запас красной смолы уменьшился наполовину, а целых пионов у прохладной стены осталось меньше двух корзин.

В храме Элара называли служительницей. Слово звучало торжественнее её обычного дня. Большая часть служения сводилась к температуре огня, чистоте фильтра и способности выбросить испорченный цветок, не слушая возражений носильщика. Она пришла сюда девочкой, когда ещё верила, что болезнь отступает перед правильно произнесёнными словами. Потом научилась различать жар меди по цвету и поняла, что молитва не исправляет мутное масло. Из прежней веры остались привычки: мыть руки перед работой, не ставить пустой сосуд рядом с полным, не обещать раненому того, чего не знаешь.

Война изменила мастерскую задолго до появления колонны на дороге. Исчезли заказы на свадебные смеси и благовония. Цветы теперь привозили возами; почти всё масло уходило к тем, кто уже был ранен или должен был оказаться рядом с раненым. Элара старалась не представлять людей за стеклом. Ей проще было думать ящиками: двенадцать гнёзд, слой соломы, проверенная печать, запись на восковой табличке.

Так мысли не мешали рукам.

Шаги нового посетителя она услышала сразу. Носильщики

двигались быстрее и шумнее, врачи входили тяжело, не оглядываясь. Этот человек остановился под аркой, будто проверил, куда можно поставить ногу между корзинами, и только потом пошёл к рабочей зоне.

Элара закончила наливать масло и повернулась.

Молодой воин был без шлема. Пыль лежала на краях светлой туники и ремнях сандалий; диагональный ремень пересекал грудь, у бедра висела небольшая кожаная сумка. Волосы выгорели на солнце и плотнее завивались у висков. За его спиной в проёме продолжала двигаться колонна.

Увидев Элару, он едва заметно замедлил шаг. Она отметила это так же, как отмечала пузырёк в масле: без вывода, просто как факт.

- Масло для перевязочных повозок, - сказал он, остановившись у стола.

- Пустой фиал?

Он снял сумку, достал зелёный сосуд и поставил перед ней. На горлышке оставались бурые следы старой печати. Элара проверила дно и убрала фиал к остальным пустым. Воин следил за её руками. Когда она потянулась к ряду готовых сосудов, его взгляд переместился вместе с рукой.

Она выбрала полный фиал, подняла к свету. Янтарное масло было прозрачным, под печатью не осталось воздуха.

- Держите вертикально.

Он протянул левую руку. Элара вложила в неё сосуд так, чтобы они не коснулись пальцами.

- Если разобьётся, второго может не быть.

- Командир уверен в обратном.
- Командир видел наши запасы?
- Нет. Он вообще редко смотрит туда, откуда появляются нужные вещи.

Элара посмотрела на него. Уголок его рта дрогнул.

- Тогда постарайтесь не проверять его уверенность.

С дороги крикнули. Медицинская повозка уже миновала храм, за ней шёл новый ряд пехоты. Воин обернулся, сжал фиал крепче, но вместо того чтобы уйти, наклонился к цветам, лежавшим у ближайшей корзины.

Носильщики утром сбросили их слишком поспешно. Несколько стеблей были переломлены, края лепестков помялись. Элара уже решила отправить эту партию в раннюю переработку. Воин выбрал два пиона: один раскрывшийся, второй ещё плотный.

- Они вам не нужны? - спросил он.
- Для масла почти бесполезны.
- Значит, можно спасти хотя бы от масла.

Он протянул раскрытый пион ей.

Элара посмотрела сначала на цветок, потом на воина. Передача фиала была частью работы; здесь никакого правила не существовало. Ветер с моря тронул край её одежды и заставил лепестки дрогнуть. Воин не убирал руку.

Она взяла пион.

Второй он осторожно просунул под диагональный ремень. Красный цветок лёг на светлую ткань у груди.

- Теперь вы точно разобьёте фиал, - сказала Элара. - Одной рукой

будете спасать его, другой - цветок.

- Придётся не падать.

С дороги снова позвали, на этот раз по имени:

- Никандр!

Он повернулся, прошёл несколько шагов к арке и оглянулся. Элара стояла у стола, держа пион за длинный стебель. В этот момент вуаль между колоннами вздулась и на миг закрыла ей лицо.

Никандр вышел на солнце.

Элара дошла до края мастерской и остановилась у колонны. Внизу вдоль берега двигался поход, слишком большой, чтобы охватить взглядом: пехота, обоз, повозки с полотняными крышами, запасные колёса, бочки, животные, люди медицинской службы. Никандр побежал вдоль колонны, придерживая фиал в левой руке. Пион под ремнём подпрыгивал на каждом шаге.

Командир находился ближе к середине. Никандр догнал его, передал сосуд на ходу, несколько секунд бежал рядом, пока фиал не убрали в ящик, потом свернул к своему строю. Один из товарищей хлопнул его по плечу, другой ткнул пальцем в цветок и что-то крикнул. Никандр ответил. Элара не слышала слов.

Она смотрела, пока светлая туника с красным пятном не смешалась с пылью.

Пион в её руке уже начал осыпаться. Элара поставила его в узкий сосуд с водой у стены. Решение было бессмысленным с точки зрения мастерской: такой цветок следовало разобрать немедленно. Но в этот день она позволила себе одну неправильную операцию.

Работа продолжалась. Приходили новые люди, пустое стекло сменялось полным, вода в медном сосуде выкипела и была долита дважды. К вечеру тени колонн пересекали весь пол. Элара несколько раз ловила себя на том, что поднимает голову к дороге, хотя движение там давно стихло.

С моря пришёл холодный ветер. Вуали вытянулись между колоннами. Нижний край одной ткани зацепился за бронзовую курильницу. Элара шагнула, чтобы освободить его, и заметила тонкую янтарную линию на складке.

Огонь не ел ткань. Он двигался по ней, оставляя полотно целым.

Элара приблизилась. За вуалью исчезло море. Вместо него проступила равнина под низким небом.

Сначала она решила, что свет и пыль обманывают глаза. Потом услышала металл и крики. Картина стала резче: повозки горели, лошади рвали упряжь, пехота распалась на отдельные группы. Люди исчезали за щитами, снова появлялись, падали.

Элара искала не лицо. Ей нужен был красный цветок на светлой ткани.

Она нашла его возле чужого щита.

Никандр лежал на боку, одна рука вытянута вперёд, рядом с раскрытой ладонью лежал пион смятый, испачканный грязью и кровью. Неподалёку сидели двое его товарищей: один зажал уши ладонями, другой смотрел прямо перед собой, не замечая крови на щеке.

Никандр не двигался.

Элара подняла руку к ткани. Янтарная линия дошла до её пальцев, не обжигая их. Ветер рванул вуаль, и изображение приблизилось. Она увидела землю под ногтями Никандра, сломанный стебель, один уцелевший лепесток между его ладонью и грязью.

Порыв ветра вытащил лепесток из-под пальцев. Он поднялся над полем, подхватил пыль, побледнел. Белое развернулось всё шире, пока не стало полотном, которое ударило о деревянный шест.

Кто-то снаружи выругался и затянул верёвку на палатке. Полотно перестало хлопать, но воздух внутри не изменился: карболка, мокрая шерсть, гной, человеческий жар. Элин несла таз между койками, стараясь не расплескать воду на пол. На третьей койке раненый снова тянулся к повязке. На пятой мужчина спал, аккуратно подложив пустой рукав под бок. Врач у входа курил в перчатках и перечитывал список умерших.

Нового привезли ночью.

Осколок вошёл в бедро, кость уцелела, но рана успела загноиться в дороге. К утру температура поднялась так высоко, что больной перестал различать людей. Санитар сказал, что он всё время говорит о море и каком-то масле. Элин не придавала этому значения. В горячке мужчины вспоминали дома, лошадей, матерей, иногда совершенно бессмысленные вещи. Никаких морей в окрестности точно не было.

Когда она подошла, Николай лежал неподвижно. Пот стекал от висков в волосы, повязка на бедре промокла. Элин поставила таз, выжала ткань и вытерла ему лицо и шею. Он вздрогнул, но глаз не открыл.

- Тише. Не дёргайтесь.

Она говорила таким тоном со всеми: спокойно, немного сухо. Обещаний здесь старались не давать.

Элин поправила подушку. Край её белого платка скользнул вперёд; на нём был вышит небольшой красный пион. Мать сделала вышивку много лет назад и уверяла, что цветок защищает от лихорадки. Потом

сама умерла от лихорадки за три дня. Элин носила платок не ради защиты. Просто ткань пережила мать, и выбросить её рука не поднималась.

Николай открыл глаза.

Сначала взгляд блуждал. Потом остановился на красной вышивке так надолго, что Элин подумала о новом приступе.

- Вы меня слышите?

- Да.

- Имя?

- Николай.

- Где вы?

Он посмотрел на потолок палатки.

- Не знаю.

- Полевой госпиталь. Нога на месте. Вам повезло.

Николай закрыл глаза, но не потерял сознание.

- Я вас помню, - сказал он тихо.

Элин ответила слишком быстро:

- Нет.

Он снова посмотрел на вышивку.

- Тогда цветок.

Она коснулась края платка, проверяя узел.

Через две недели Николай вышел из палатки на костыле. Врач собирался отправить его в тыл, но санитарный поезд задерживали, и раненый остался при госпитале. Сначала ему не давали ничего тяжелее коробки бинтов. Потом оказалось, что без дела он мешает сильнее, чем с

делом, и Николай начал таскать пустые ящики, записывать имена тех, кто не мог говорить, сортировать бельё.

Элин видела его каждый день. Она не искала встреч и не избегала их; для этого в двух палатках и одной кухне всё равно не хватило бы пространства.

Николай сидел у входа на солнце, вытянув больную ногу, и вырезал ножом зарубки на костыле. Элин сначала решила, что он считает дни. Позже заметила рядом с зарубками буквы.

- Что это?

- Люди.

- Какие люди?

- Которые лежали рядом.

Он не уточнил, кто уехал, кто умер, кто просто сменил палатку. Элин больше не спрашивала.

Однажды Николай попросил работу и получил короб выстиранных полос ткани. Через час Элин обнаружила тугие рулоны, которыми можно было скорее перетянуть колесо, чем рану.

- Размотать.

- Все?

- Все.

- Я старался.

- Вижу. Поэтому и говорю сейчас, пока вы не испортили второй короб.

Он усмехнулся и начал сначала. К вечеру пальцы дрожали, но бинты лежали ровно. На следующий день он сам нашёл ещё один короб.

Постепенно Элин стала узнавать его по стуку костыля. Николай всегда делал короткую паузу у входа, прежде чем войти в занятую палатку. С ранеными разговаривал без утешительных слов. Мог двадцать минут спорить о погоде или качестве супа с человеком, которому утром ампутировали руку, и при этом не говорить, что всё будет хорошо. Удивительным образом это помогало лучше обещаний.

Однажды он починил застёжку на аптечном ящике, порезал ладонь и пришёл к Элин, будто результат ремонта требовал медицинского заключения.

- Вы стараетесь снова лечь? - спросила она, промывая порез.

- На койке кормят вовремя.

- Вы врёте.

- Да.

Элин затянула бинт чуть сильнее, чем требовалось. Николай поморщился.

- Вы сердитесь, когда беспокоитесь?

- Я не беспокоюсь.

- Хорошо. Значит, просто сердитесь.

Она отпустила его руку. На ткани осталась маленькая точка крови.

Несколько дней они разговаривали только по необходимости. Николай таскал ящики через другой вход, Элин выбирала противоположный проход между койками. Это было детское поведение, и оба его замечали. К вечеру третьего дня он всё равно оказался у стола, где она считала ампулы.

- Меня отправляют дальше, - сказал Николай.

Элин не подняла головы.

- В тыл?

- Сначала к санитарному поезду. Если он существует.

- Существует.

- Вы видели?

- Нет.

Она сбилась со счёта и начала ряд сначала. Николай подождал.

На его месте любой другой сказал бы что-нибудь лишнее. Он только посмотрел на вышивку у края платка.

- Я найду настоящий, - произнёс он.

Элин поняла сразу.

- Лучше найдите поезд.

На полосе земли за госпиталем росли дикие пионы. Их почти не замечали, пока трава не стала красной. Цветы были небольшие, с неровными лепестками; вышивка на платке выглядела рядом с ними

слишком аккуратной.

Николай пошёл в поле в день, когда впервые добрался до его края без чужой руки. Костыль проваливался в мягкую землю. Он выбрал цветок со сломанным стеблем и бросил, второй оказался в грязи, третий уже осыпался. Со стороны палаток Элин видела, как он медленно перемещается среди красного, наклоняется, выпрямляется, несколько раз теряет равновесие.

Ей нужно было нести бельё внутрь. Она осталась у таза.

Когда Николай собрал небольшой букет, у госпиталя вспыхнуло белое.

Воздух ударил через поле прежде, чем грохот дошёл до него. Пионы легли в одну сторону. Костыль вырвало из-под руки, Николай упал плечом вперёд и прижал букет к груди. Потом звук накрыл всё.

Несколько секунд - или дольше - мир существовал только как высокий писк. Земля дрожала под ладонями. Николай поднялся на локоть и увидел дым там, где стояли палатки. Одна крыша горела, другая лежала на земле. Люди двигались внутри серого облака, открывая рты без звука.

Он позвал Элин и не услышал себя.

Костыль лежал в нескольких шагах. Николай пополз до него, встал. Нога подогнулась, но удержала вес. Букет он почему-то не бросил. Сломанные стебли торчали между пальцами.

До госпиталя было недалеко. После взрыва расстояние изменилось: каждый шаг приходилось выбирать, обходя доски, ткань, ящики, куски земли. Один санитар лежал возле дороги, закрыв голову руками. Николай переступил через сорванную верёвку, зацепился костылём за полотно и

едва не упал снова.

У входа, где обычно стоял врач, была воронка.

Возле края лежала белая ткань.

Николай сначала принял её за кусок палатки. Потом увидел красный вышитый пион.

Платок наполовину погрузился в грязную воду.

Костыль выпал из руки. Букет следом ударил по луже. Вода разошлась кругами, лепестки поплыли между обломками стеблей.

Николай опустился на колени; повреждённая нога сразу ушла в сторону, и он упёрся ладонями в грязь. До платка оставалось меньше метра. Он добрался до него на руках, поднял мокрую ткань и прижал к лицу.

Рот открылся, но писк в ушах не изменился.

В луже дрожал дым. Круги от цветов и костыля ломали отражение неба, дробили свет на отдельные блестящие участки. Один из них вытянулся, стал резче. Николай моргнул - и вместо воды увидел длинную хрустальную подвеску люстры, качнувшуюся в свете сотен свечей.

Люстра качнулась от музыки, хотя окна бального зала были закрыты. Сотни свечей горели в её стекле. Свет дробился в подвесках и падал на паркет, на белые перчатки, на лакированные туфли, на воду в высоких вазах с пионами. Оркестр играл в дальней галерее. Танцующие пары двигались по кругу, оставляя в центре свободное место.

Элианор знала этот зал с детства, но в вечер большого бала он казался чужим. Свет люстры дробился на паркете, в воде высоких ваз, на белых перчатках и лакированных туфлях. Оркестр играл в дальней галерее. Пары двигались по кругу; между ними оставались узкие коридоры, которые тут же закрывались чужими юбками и плечами.

Элианор стояла с мужем и детьми у колонны. Дочь держала куклу за одну руку, сын пытался незаметно приблизиться к контрабасу.

- Ещё один шаг, - сказал отец, не глядя на него, - и мы уедем до ужина.

Мальчик остановился.

- Вы сами говорили, что музыка воспитывает.

- На расстоянии она делает это безопаснее.

Элианор улыбнулась. Муж заметил и слегка сжал её пальцы.

Он был старше на шестнадцать лет. В обществе его считали сухим и излишне правильным человеком; дома он помнил, с какой стороны кровати Элианор не любит сквозняк, и каждое утро проверял дверь детской прежде, чем спуститься к завтраку.

Их брак начинался без большой любви. Отец назвал союз разумным, мать плакала от облегчения, жених не пытался казаться моложе или интереснее, чем был. Первый год Элианор обращалась к нему на «вы» даже в спальне. Потом она заболела зимой, и он три ночи сам менял холодные полотенца, хотя рядом были слуги. После рождения сына Элианор впервые увидела, как муж плачет у окна. К дочери он относился с такой серьёзностью, что её вопросы о кукольной мебели обсуждались почти наравне с делами поместья.

Любовь между ними накопилась незаметно. Чашка на нужном месте, рука на лестнице, его нелепая тревога из-за детского кашля - вещи слишком маленькие для семейной легенды и достаточно важные для жизни.

Поэтому, когда у противоположной колонны появился Николас, холод в ладони Элианор испугал её сильнее самого незнакомца.

Она знала имя. Семья Николаса жила в городе давно; он несколько лет провёл за границей и недавно вернулся. Всё остальное в нём было новым - и при этом Элианор заранее знала, как он поставит ногу после поворота, как наклонит голову, входя в свет, куда посмотрит прежде, чем заметит её.

Николас заметил почти сразу.

Он двинулся через зал. По пути поклонился знакомым, пропустил даму с веером, обошёл пару, не желавшую уступать дорогу. Подойдя к семье, сначала поклонился Элианор, затем обратился к её мужу.

- Позвольте пригласить вашу супругу на следующий танец?

Муж посмотрел не на Николаса, а на неё. В этом было всё право отказать, которое ей требовалось.

Оркестр закончил кадрили. По залу прошёл шум перестраивающихся пар.

- Да, - сказала Элианор.

Муж взял её правую руку и передал Николасу. Обычный светский жест. Элианор вдруг почувствовала его домашнюю тяжесть: человек, который делил с ней утро, детей и годы, доверял её ладонь другому мужчине без тени подозрения.

Она успела испытать стыд ещё до того, как пальцы Николаса сомкнулись вокруг перчатки.

Они вышли в круг.

Первые такты Элианор считала про себя. Раз-два-три. Раз-два-три. Счёт позволял следить за шагами и не смотреть в лицо партнёру. Николас вёл аккуратно, не приближая её больше, чем требовал рисунок вальса.

- Мы знакомы? - спросил он.
- Элианор пропустила один счёт.
- Нет.
- Я тоже пришёл к этому выводу.
- Тогда зачем спрашиваете?
- Хотел узнать, ошибаюсь ли один.

Она подняла глаза.

Люстра прошла над его плечом, и свет на мгновение изменил одежду. Серый фрак исчез; Элианор увидела светлую короткую тунику, пыль на коже, красный пион под ремнём. Образ сменился другим - белая палатка, жар на чужом лице, красная вышивка возле самого края зрения. Потом грязная вода и сломанные цветы.

Элианор остановилась посреди движения. Николас удержал её за талию и увёл в сторону, прежде чем следующая пара задела их.

- Вам плохо?
- Нет. Продолжайте.

Они вернулись в ритм.

Элианор положила ладонь на его плечо и внезапно знала, что под пальцами когда-то был ремень. Знала чужую боль в левой ноге на сырой погоде, запах карболки и нагретой меди. Эти знания не имели отношения к её биографии и всё же не ощущались выдумкой.

Николас смотрел так, что вопрос стал лишним.

- Мы знакомы? - спросила она.
- Нет, но я вас помню.

Элианор почти рассмеялась от абсурдности фразы, но вместо смеха пришёл страх.

- Как меня звали?

- Я хотел спросить вас об этом.

Танец продолжался. В какой-то момент гости исчезли из её внимания, хотя физически были совсем рядом. Остались рука Николаса, музыка, собственное дыхание и несколько воспоминаний, которых она не проживала.

Чтобы вернуть себе настоящее, Элианор стала перечислять утро. Дочь разлила молоко на письмо. Сын спрятал под столом мокрого щенка. Муж после бала обещал показать проект новой библиотеки и просил не хвалить фасад из вежливости. Простые факты держали надёжнее пола.

Между парами на секунду открылся вид на колонну. Муж стоял там же. Дочь прижимала к груди куклу. Сын всё-таки успел подкрасться к музыкантам и теперь возвращался с выражением человека, уверенного в собственной незаметности.

Николас тоже посмотрел на них.

- У вас хорошая семья.

- Да.

Это «да» далось Элианор легко. Труднее было всё, что последовало за ним.

- Я не должен был подходить, - сказал Николас.

- Но подошли.

Его рука на её талии чуть ослабла, предлагая расстояние. Элианор могла сделать полшага назад. Вместо этого по инерции танца оказалась

ближе; край юбки коснулся его колена.

Николас опустил взгляд к её губам и сразу вернул его к глазам.

Оркестр оборвался.

Головы повернулись на звук. Сын Элианор стоял среди воды, осколков вазы и пионов; дочь держала его за рукав, уже не в силах ничего предотвратить. Один цветок откатился далеко на паркет.

Николас первым разжал руку.

Элианор пошла к детям, подняв юбку над водой. Муж уже опустился на колено и проверял их ладони и ноги. Сын объяснял, что ваза стояла неправильно. Дочь молчала.

Элианор обняла обоих и только потом оглянулась.

Николас стоял у края зала. Он коротко поклонился и отступил между колоннами.

На паркете возле танцевального круга лежал пион. Вода дошла до лепестков и сделала красный цвет почти чёрным.

Спустя годы Элианор держала такой же цветок в чёрной перчатке.

Кладбище успело состариться вместе с ней. Деревья выросли выше часовни, дорожки просели, мох съел буквы на дальних камнях. Элианор ждала за голыми кустами, пока родственники Николаса закончат прощание.

У могилы стояли женщина в трауре и двое взрослых детей. Дочь унаследовала линию его подбородка, сын - руки и привычку держать плечи чуть вперёд. Элианор не слышала их слов. Она пришла раньше именно ради того, чтобы увидеть семью, о существовании которой знала по газетным объявлениям и редким упоминаниям.

После бала Николас прожил долгую жизнь. Женился, растил детей, уезжал и возвращался. Они с Элианор больше не разговаривали. Однажды она увидела его из окна экипажа: он шёл по другой стороне улицы, маленькая дочь сидела у него на плечах. Элианор могла постучать по стеклу и не сделала этого.

Теперь на камне было выбито:

Родственники ушли к воротам. Элианор дождалась, пока стихнут шаги, и только тогда подошла. Колени плохо стибались; пришлось опереться рукой о холодный край надгробия.

Она положила пион под именем.

- Я помню не всё, - сказала Элианор. - И, пожалуй, этого достаточно.

Свет внутри лепестков появился без вспышки. Сперва изменился только красный цвет, затем потемнели деревья, исчезла ограда. Камень перед ней стал дверным проёмом в пустой балльный зал.

Люстра горела вполсилы. На паркете танцевали молодые Элианор и Николас. Музыки не было. Старая женщина осталась у порога, не пытаясь приблизиться.

Танец закончился. Молодые не разошлись. Их руки потянулись друг к другу.

Элианор коснулась его первой - и рука прошла сквозь руку Николаса, не встретив кожи. Свет появился в его пальцах, поднялся к запястью. Молодая Элианор схватила его второй рукой, но удерживала только пустоту. Николас не отступал; он смотрел на неё, пока свет не дошёл до лица.

Когда исчезло последнее сияние, на паркете осталась одна золотая точка.

Старая Элианор закрыла глаза.

Она снова стояла на кладбище. Пион лежал у камня. Один лепесток отделился от цветка, поднялся в воздух и распался на множество золотых частиц. Они вытянулись в узкий луч.

Высокая нота уже держалась над залом, когда Ник поднялся вместе с первым рядом.

Алианор стояла у края сцены. Камеры уходили под потолок, возвращались к её лицу, скользили над публикой. Ник прижал букет к груди, чтобы его не выбили из рук. Пионы помялись; лента, стягивавшая стебли, лопнула.

Алианор повернула голову в его сторону.

Ник не мог знать, смотрит ли она именно на него. Между сценой и партером двигались камеры, вокруг вставали сотни людей. Но её взгляд задержался в этой части зала дольше обычного, и голос на мгновение изменился.

Публика двинулась к сцене. Охрана не мешала: финал концерта предусматривал, что зрители могут подойти к подиуму. Ник шёл вместе со всеми, постепенно оказываясь ближе. Букет цеплялся за чужую одежду. До сцены оставалось шагов десять, когда Алианор начала светиться.

Сначала исчезли тени на лице. Потом золотистое сияние проступило в складках платья, разделило его на отдельные лепестковые слои. Зал ответил восторженным криком.

Ник остановился.

Алианор протянула руки поверх голов ближайших зрителей. Он поднял свою. Между их пальцами оставалось несколько метров, и толпа всё ещё теснила его со спины.

Свет усилился. Платье потеряло плотность, затем исчезли руки, волосы, лицо. Там, где стояла женщина, осталась колонна молочно-белых лепестков пионов, кружащихся и переливающихся в свете софитов. Они поднялись под потолок и погасли.

Музыка оборвалась без финального аккорда.

Публика ещё несколько секунд кричала по инерции, потом шум начал спадать. Ник остался перед пустой сценой с цветами в руках.

Зал освобождался медленно. Камеры сложились и ушли в потолочные ниши. Включился технический свет, слишком ровный и беспощадный после концерта.

Ник поднялся на подиум и сел у края, бросил не нужный букет рядом. Пальцы не сразу разжались: стебли оставили на коже зелёные полосы, несколько цветков были сломаны.

В этом свете он увидел один из проекторов, выступавших из покрытия сцены.

Прибор продолжал работать. Из узкой щели поднимались редкие молочно-белые лепестки пионов, сотканые из света.

Ник поднёс ладонь к лучу и перекрыл его. Над рукой частицы исчезли, за ней появились снова. Он разжал пальцы, повернул кисть, провёл ею через свет. Никакого тепла. Никакого сопротивления.

На сцену опустился один лепесток. Он выглядел совершенно настоящим: тонкие жилки, влажное основание, неровный край. Ник подставил ладонь и лепесток лёг на кожу почти без веса.

Он вывел руку из луча.

Сначала исчезли жилки лепестка, потом погасло всё остальное.

НИК

АЛИАНОР

ПЕРСОНАЖИ

